ТРИ ВЕКА ЖИВИ

Книга первая

Леся Винтер

18+

Леся Винтер

Три века живи

«Автор»
2026

Винтер Л.

Три века живи / Л. Винтер — «Автор», 2026

Юлия верит в любовь, но привыкла самостоятельно принимать решения. У неё есть собственные убеждения, вера и представление о том, какой она хочет видеть свою жизнь.Максимилиану триста лет. Он — бессмертный демон, которого Совет Сил Света называет Изгоем. Он заплатил слишком дорого за право распоряжаться собственной судьбой, чтобы теперь от него отказаться.Впустив Юлию в свой замок, Максимилиан впервые хочет, чтобы женщина осталась. Но Совет больше не намерен довольствоваться его отказами.

© Винтер Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Сон Юли 5
Глава I. До встречи с Ним 6
Глава II. Его мир 8
Глава III. Встреча в лесу 12
Глава IV. Разговор о том, кто он 16
Глава V. Обещание и первая ночь 22
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Три века живи

Любовь долго терпит,
милосердствует… не мыслит зла, не
радуется неправде, а сорадуется
истине; всё покрывает, всему
верит, всего надеется, всё
переносит. Любовь никогда не
перестаёт, хотя и пророчества
прекратятся, и языки умолкнут, и
знание упразднится.

Первое послание апостола Павла к Коринфянам

Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой — мне.

Песнь песней Соломона

Пролог. Сон Юли

Мне было двадцать два года. Я ещё не похудела, ещё не встала на путь истинный, ещё не знала, кто я и зачем. Но я уже молилась. Неумело, наивно — просто просила у Бога любви. И однажды мне приснился сон.

В моём сне не было света. Был вечер, и тьма вокруг была тёплой, как бархат. А потом пришёл он. Мужчина. Я не видела его лица — только силуэт: высокий, в тёмном костюме. Он был старше меня, но всё же молод. От него исходила сила, но не пугающая, а та, за которой хочется спрятаться.

Он взял мою руку. Я не вырывалась. Он поднёс её к губам и поцеловал. Не страстно, не властно — благоговейно. Как будто я была драгоценностью, которую он ждал всю вечность.

— Как тебя зовут? — спросила я.

Он ответил не сразу. Я не помню, говорили ли мы о чём-то ещё, но этот вопрос врезался в память навсегда. А потом он произнёс — просто, по-домашнему:

— Максим.

Я проснулась с этим именем на губах. Простое, человеческое, живое. Я не знала никого, кто бы так звался. Но оно отпечаталось в сердце. И я стала ждать.

Я тогда не знала, что пройдут годы, прежде чем этот сон воплотится в реальность.

Глава I. До встречи с Ним

Когда он будет падать, не упадёт, ибо Господь поддерживает его за руку.
Псалтирь 36:24

Я стояла перед зеркалом и смотрела на своё тело. Впервые за долгие годы — не с ненавистью, не с презрением, а с тихим, глубоким уважением.

Сто четыре килограмма. Было. Когда-то. Я помнила каждый. Каждый был барьером, стеной, за которой пряталась моя боль. Я ела, чтобы заглушить страх. Я толстела, чтобы стать невидимой. Чтобы никто не посмотрел, чтобы никто не захотел, чтобы никто не ранил снова.

Но Господь взял меня за руку. Не в громе, не в чуде — в тишине. В тот самый момент, когда я упала на колени прямо здесь, на этом скрипучем полу, и сказала: «Я больше не могу сама. Помоги».

И Он помог. Не магией — дисциплиной. Не чудом — каждодневным трудом. Я просыпалась на рассвете и шла на прогулку. Я училась готовить пищу, которая не разрушает, а питает. Я плакала, когда вес не уходил. Я кричала, когда срывалась. Но Он был рядом. И я вставала. Снова.

Я не просто ходила. Я училась дышать заново. Раньше каждый вдох был тяжёлым, будто лёгкие помнили объём тела, которое я носила как тяжёлые доспехи. Теперь воздух входил свободно, и с каждым выдохом уходил страх. Я молилась не словами из книг, а шагами. Пять тысяч шагов. Потом семь. Потом десять. Господь не требовал от меня чудес. Он просил посто-

янства. И я давала Ему своё терпение, свои слёзы на асфальте. Я не знала тогда, что Он уже ведёт меня к человеку, который сам триста лет не мог вдохнуть полной грудью.

Теперь в зеркале стояла женщина, которую я когда-то не надеялась увидеть. Стройная. Сильная. С бёдрами, которые наконец обрели форму, с талией, которую я раньше прятала под складками. Мои зелёно-карие глаза сияли — не от голода, а от силы. Пухлые губы, которые я так часто кусала в сомнениях, теперь улыбались. Волосы, каштановые, густые, спадали на плечи тяжёлой волной.

Я провела ладонью по животу. Там, в самом низу, осталась трогательная, мягкая полоска кожи. Мой орден. Моё напоминание о том, через что я прошла.

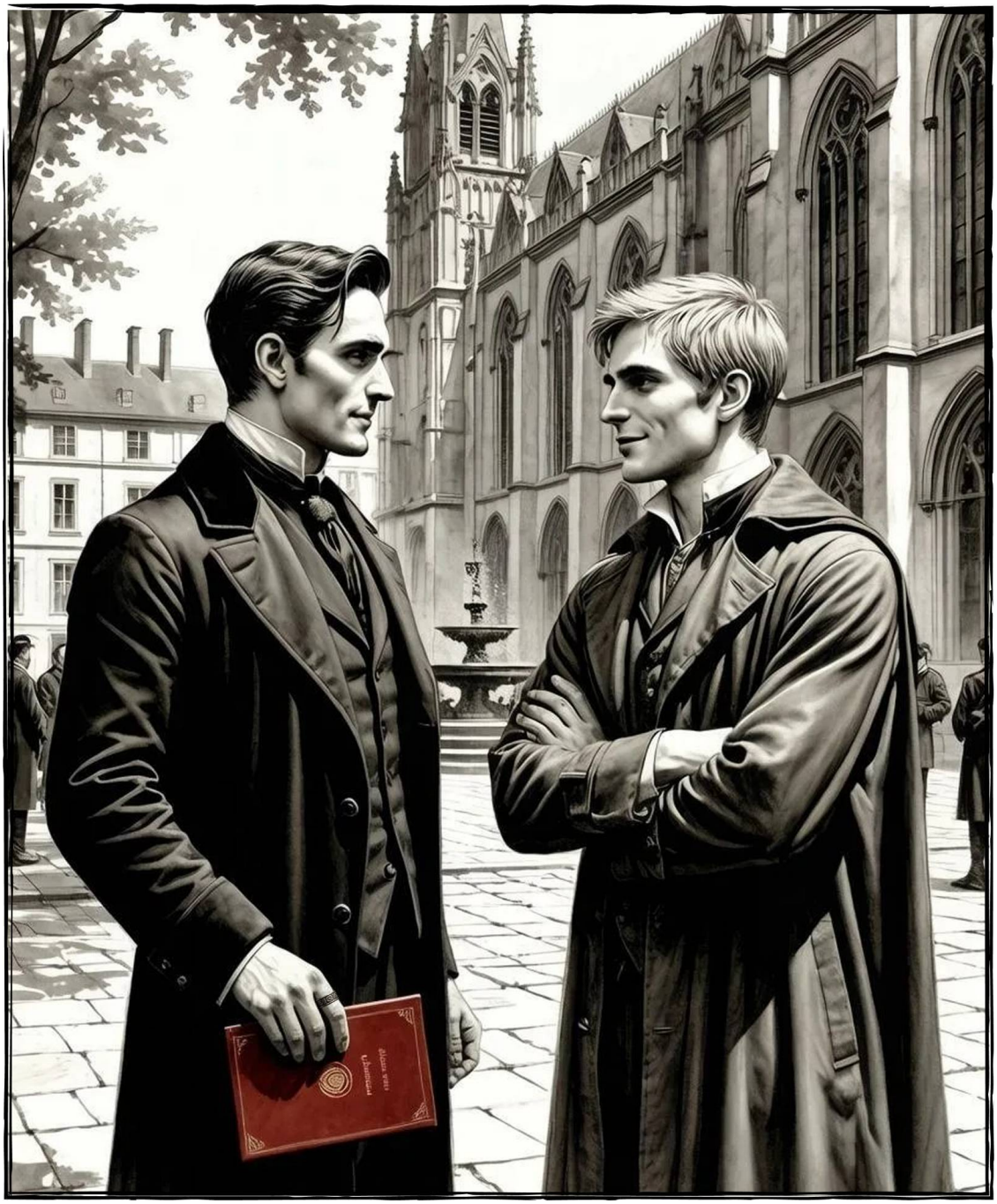
— Спасибо, — прошептала я. — Господи, спасибо Тебе.

Я знала, что красота — это не дар. Это поле битвы. Моё тело было не просто телом — оно было свидетельством. Каждый сброшенный килограмм был шагом к Богу. Каждая минута дисциплины — молитвой. И теперь, глядя на себя, я понимала: я готова. Готова к тому, кого Он пошлёт. Готова быть не просто любимой — быть стеной и светом для того, кто однажды придёт.

— Господи, — тихо произнесла я, — если есть такой человек, приведи меня к нему.

Глава II. Его мир

Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков.
Первое послание апостола Павла к Коринфянам 7:23



Я вышел из здания Королевской академии. В руке — красный диплом. Пятый. Можно было бы и сотый получить, но даже бумага имеет свойство надоедать.

— Ну что, величайший? — Арсений стоял, прислонившись к колонне, и лениво улыбался. — Теперь ты у нас пять раз доктор. Или пять раз дурак?

Я сунул диплом под мышку и зашагал по мостовой. Он пристроился рядом.

— Пять раз дурак — это слишком даже для меня. Скорее один раз дурак, который пять раз забыл, что ему скучно.

Арсений хмыкнул. Мы прошли мимо фонтана, где плескались студенты. Молодые, глупые, живые. Я смотрел на них и не чувствовал ничего.

— Ты сейчас похож на кота, который объелся сметаной, — заметил он. — Смотришь на мышей и думаешь: «Зачем вы бегаете?»

— Я похож на кота, который прожил триста лет, — поправил я. — И знает, что мыши всё равно сдохнут.

Арсений засмеялся. Настоящим, человеческим смехом. Я иногда завидовал ему. Он умел смеяться так, будто мир ещё не предал его. Хотя предал. Ещё как предал.

— Ты стал слишком мрачным, Максим. Раньше ты хотя бы притворялся, что тебе интересно.

— Раньше я притворялся, что я человек. Теперь мне лень.

— Кстати, о притворстве. — Я покосился на него. — Ты когда-нибудь снимешь этот плащ? Триста лет в одном и том же. Моль уже не боится. Она тебя жалеет.

Арсений усмехнулся, но плащ поправил. — А ты смени пятый диплом на что-нибудь полезное. Хотя бы на скидку в булочной.

— В булочной меня боятся, — ответил я. — Я там однажды попросил хлеб без сахара. Они до сих пор вспоминают.

Мы оба засмеялись, и в этом смехе было больше жизни, чем во всех моих дипломах вместе взятых. Мы свернули в тихий переулок. Здесь пахло старым камнем и вином. Мой дом был неподалёку, но я не спешил. Арсений тоже.

И тогда я это почувствовал. Давление в воздухе, как перед грозой. Зов. Не Тьмы — Света.

Они пытались пробиться в мой разум, в мою волю. Их магия была настойчивой, но слабой — они не хотели тратить на меня силу, просто напоминали о себе. Я остановился посреди мостовой и прикрыл глаза. Перед внутренним взором встали знакомые очертания Круглого зала: центральное кресло у самого круга и поднимающиеся за ним полукругом ряды.

«Максимилиан, Изгой, явись пред Советом».

Голос прозвучал как звон далёкого колокола, холодный и властный.

Я открыл глаза и посмотрел на друга. Давление не исчезло. Совет Сил Света всё ещё держал связь, ожидая ответа.

— Часто они так? — спросил Арсений.

— Второй раз за месяц. Надоедают. Думают, что я прибегу по первому зову.

— А ты?

— Я не их пёс, — ответил я и зашагал дальше. — Пусть приходят сами, если надо. Или шлют ультиматум. Но я не являюсь по щелчку пальцев. Я не цирковая собачка.

Я едва успел договорить, когда голос снова врезался в сознание. Теперь он уже не был просто холодным — в нём звучала сталь.

«Ты выбрал не являться, Изгой. Но выслушай нас. У тебя есть три месяца. Если ты добровольно не примешь Свет и не вернёшься к нам — по истечении этого срока мы призовём тебя силой. Ты предстанешь перед Советом, и мы решим твою судьбу. Добровольное возвращение — или принудительное. Выбирай».

Я хотел оттолкнуть их, но голос продолжил. На этот раз холоднее.

«И не забывай, Изгой. Твой друг Арсений всё ещё носит наше бессмертие. Оно — не его по праву. Оно — наше. Если ты будешь упрямиться — мы отзовём его. И он станет смертным. Ты сможешь смотреть, как он стареет и умирает у тебя на глазах. Или ты сдашься и сохранишь ему жизнь. Выбирай».

Голос умолк. Тишина повисла в воздухе, густая, как смола.

Я посмотрел на друга. Он всё понял без слов. Арсений побледнел. Он не сказал ни слова, но я видел, как его челюсти сжались.

Я стоял неподвижно. Моя рука сжалась в кулак. Угроза в мой адрес была пустым звуком. Но угроза в адрес Арсения… Я не мог позволить себе проигнорировать это.

— Я не явлюсь, — сказал я, обращаясь к пустоте. — У меня дела.

И мысленно оттолкнул приказ. Не грубо, а так, как отмахиваются от назойливой мухи. Давление исчезло. На несколько мгновений мир снова стал тихим.

— Три месяца, — повторил я тихо. — Они дали мне три месяца. И они готовы отнять тебя.

— Я не боюсь смерти, — отозвался Арсений.

— Знаю. Но я не позволю им тронуть тебя.

Я посмотрел на закат, окрасивший небо в багровый цвет. Усмехнулся краем губ.

— Они хотят, чтобы я приполз к ним на коленях. Они думают, что шантаж сломает меня. Но я не их пёс. И если они тронут тебя, я покажу им, что такое настоящая тьма.

Мы молча пошли дальше. Три месяца. Этого времени достаточно, чтобы многое успеть. И чтобы показать Совету, что они ошиблись, пытаясь давить на меня через Арсения.

— Они считают, что ты опасен, — заметил Арсений.

— Они считают, что я — их собственность. Просроченная. Опасна не моя сила, Арсений, а то, что я им не подчиняюсь. Им плевать, что я делаю, — им важно, что я делаю это без их разрешения.

Я помнил день, когда перестал быть их. Ни гром, ни битва. Просто тишина. Я стоял перед Советом, ещё в крови, и понял: если я останусь их мечом, я стану их тенью. А тень не живёт. Она лишь повторяет движения того, кто её отбрасывает. Триста лет я собирал знания, земли, силу. Не для власти. Для свободы. Чтобы однажды мне не пришлось отчитываться за то, как я дышу.

Арсений помолчал, потом усмехнулся. — Знаешь, иногда мне кажется, что ты не демон. Ты — оскорблённый аристократ, которому наступили на гордость.

Я позволил себе лёгкую улыбку. — Одно другому не мешает.

— Долго же ты ждал, чтобы им это сказать.

— Триста лет, — ответил я. — И теперь никуда не спешу.

— Ты когда-нибудь устанешь ждать? — спросил я.

— Я устал триста лет назад, — ответил Арсений. — Но, в отличие от тебя, я не жалуюсь. Я просто жду, когда это закончится.

— И как, закончилось?

— Нет. — Он усмехнулся. — Но ты же знаешь: Совет в любой момент может отозвать свою магию.

— Знаю. Но пока ты здесь. И это главное.

Он коротко кивнул, и мы молча дошли до ворот моего замка. Арсений остановился.

— Ты идёшь? — спросил я.

— Нет. У меня дела.

— Какие дела могут быть у человека, который живёт триста лет?

— Те, что дают смысл, — ответил он и, кивнув на прощание, растворился в толпе.

Я остался один перед дверью своего дома. Огромного, тёмного, пустого. Я вошёл, и шаги гулко отозвались в тишине. В камине ещё теплился огонь. Я сел в кресло, закрыл глаза.

Где-то там, за стенами этого дома, существовал мир. Но он меня не касался. Пока.

* * *

Поздним вечером Арсений всё же вернулся. Мы сидели у камина и молчали. Это было привычное молчание — мы не нуждались в словах, чтобы понимать друг друга.

— Ты когда-нибудь думал, что всё так обернётся? — спросил я наконец.

— Ты про что?

— Про всё. Про Совет. Про меня. Про то, что я, демон-изгой, сижу тут и говорю с тобой о пустоте.

— Нет, — ответил он. — Я думал, ты либо сгоришь, либо заморозишь себя до смерти.

— А я?

— А ты всё ещё здесь.

— И что это значит?

— Это значит, что мы никогда не уйдём на покой. Но, может, это и неплохо.

Я хмыкнул и ничего не ответил. Огонь трещал, тени плясали по стенам. Я смотрел в пламя и впервые за долгое время чувствовал не пустоту. Что-то ещё. Что-то, чему я пока не знал имени.

Но оно уже дышало где-то за пределами моего замка. И ждало.

Глава III. Встреча в лесу

Едва я отошла от них, как нашла того, которого любит душа моя.
Песнь песней Соломона 3:4

Я впервые увидел её в лесу. Она шла по тропе, и мир вокруг неё был тих, а во мне что-то дрогнуло.

Она была одета скромно, но с изысканной простотой, которую не купишь в обычной лавке. Тёмно-синее платье из тонкой, явно дорогой ткани — с аккуратным воротником-стойкой, облегающим лифом и подолом, что заканчивался ровно на середине колена. И этот подол открывал её ноги — стройные, гладкие, с изящными щиколотками. Ноги были одной из немногих частей тела, которые она не прятала, и мой взгляд возвращался к ним снова и снова, помимо воли.

Ничего лишнего, ничего вызывающего. Но именно эта сдержанность будила во мне тёмный, почти собственнический интерес.

Её каштановые волосы, густые и тяжёлые, были убраны в низкий узел на затылке (так она делала всегда, до встречи со мной). Несколько прядей выбились и мягко обрамляли лицо — она, кажется, даже не замечала этого. И эта небрежность была совершенной.

Я, знавший сотни женщин, которые сами падали к моим ногам, сейчас смотрел на неё и чувствовал то, чего не испытывал столетиями. Голод. Не похоть, не жажду наслаждения — чистое, хищное желание обладать. Это было что-то новое. И я не знал, что с этим делать.

Лес пах мокрым мхом и старым дымом. Ветер тронул её волосы, и она, не глядя, поправила прядь за ухо. Жест, который я видел у сотен женщин. Но в нём не было кокетства. Только усталость от мира, который слишком долго требовал от неё быть громкой. Я вдруг понял: она не прячется. Она бережёт себя. И это оказалось опаснее любой наготы.

Те, кто был до неё, одевались, чтобы привлечь. Их наряды кричали: «Посмотри на меня. Возьми меня». Они были предсказуемы. А эта женщина… Она была загадкой. Воротник, застёгнутый до самого горла, будил во мне желание расстегнуть его. Юбка, такая скромная с виду, дразнила сильнее, чем самое откровенное декольте. Я смотрел на неё и понимал: я хочу её. Не потому что она предлагает, а потому что она не предлагает ничего. Она просто есть.

Она шла, не глядя по сторонам. Её зелёно-карие глаза смотрели вперёд, и в них был свет. Тот самый свет, который я когда-то ненавидел, а теперь не мог оторваться. Она не пыталась соблазнить. Она просто была собой. И этого оказалось достаточно, чтобы демон, проживший триста лет, потерял покой.

А потом на неё напали. Двое. Грязные, пьяные. Я вмешался не потому, что хотел быть героем. Я вмешался, потому что не мог позволить миру разрушить то, что только что обрёл.

Когда я разогнал их, она стояла и дрожала. Но в её глазах не было отвращения. Она только что видела, как я справился с бандитами одним движением руки, но не убежала.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Я остановился. Полуобернулся.

— Максимилиан.

И ушёл. Я сделал ровно двадцать шагов, прежде чем осознал, что не могу идти дальше. Мои ноги словно приросли к земле. Я остановился за деревьями, вне её поля зрения, и стоял, сжимая кулаки. Она была там, одна, в лесу. Испуганная. Беззащитная. И я, который триста лет никого не жалел, сейчас не мог заставить себя оставить её.

Я выругался сквозь зубы, развернулся и пошёл обратно. Просто чтобы убедиться, что она в порядке. Просто чтобы предложить помощь. Ничего больше.

Она всё ещё стояла там, прижимая ладони к груди, и дрожала. Когда она увидела меня, её глаза расширились. Не от страха — от удивления.

— Я не могу оставить тебя здесь, — сказал я. — Тебе нужно отдохнуть. Я живу неподалёку. Идём.

Она поколебалась лишь мгновение. А потом кивнула и пошла за мной.

Мы поднялись по каменистой тропе к вершине холма. Ветер здесь был сильнее, а деревья росли реже, словно сама земля не хотела никого пускать ближе. И там, на самой вершине, стоял мой замок. Когда он показался из-за деревьев — тёмный камень, высокие окна, массивные двери, — она остановилась. За замком не было ничего, кроме серого неба и моря где-то далеко внизу. Но сам замок стоял на холме, как страж, не привыкший впускать чужих.

— Это твой дом? — спросила она тихо.

— Да.

— Он… огромный.

— Я живу здесь давно.

Я распахнул перед ней дверь и пропустил вперёд. Она вошла, и я увидел, как она замерла. Её взгляд скользил по высоким потолкам, по тёмным деревянным панелям, по канделябрам, в которых горели свечи. В огромном камине пылал огонь, но теплее от этого не становилось — я знал это. Она ещё не знала.

Она оглядела гостиную. У камина стояло два кресла, а не одно. На столике у окна лежала книга, которую я не читал — её оставил Арсений. Её взгляд задержался на этих мелочах.

— Ты живёшь один? — спросила она.

— Нет. Со мной живёт друг. Его зовут Арсений. Он… давно со мной.

Она кивнула и ничего не добавила. Я вдруг понял, что стою и жду, когда она заговорит. Я, который никогда не ждал ничьих слов.

— Здесь так… пусто, — сказала она наконец.

— Мне никогда это не мешало.

Она обернулась ко мне. — Но ты ведь не один.

— Нет. Арсений со мной уже очень давно. Он мой друг. Но это другое.

Я оглядел гостиную.

— Дом всё равно был пуст. До сегодняшнего дня.

Я не знал, зачем сказал это. Слова вырвались раньше, чем я успел их остановить. Она опустила глаза, и я заметил, как на её щеках проступил лёгкий румянец. А потом она вдруг подняла на меня взгляд и сказала то, чего я не ожидал.

— Меня зовут Юлия, — проговорила она. — Но для меня это больше, чем просто имя.

Я молчал, ожидая продолжения.

— Это имя мне дали при крещении. Оно напоминает мне о Боге, Который всегда со мной.

Я медленно кивнул. Юлия. Имя, которое звучало как молитва. Имя, которое подходило ей больше, чем все имена мира.

— Юлия, — повторил я, пробуя это слово. — Хорошо. Я покажу тебе твою комнату, Юлия.

Мы поднялись по лестнице. Я открыл дверь в гостевую спальню — небольшую, но уютную, с окном в сад.

— Ты можешь остаться здесь на ночь. Никто не потревожит.

Она вошла, огляделась. Потом повернулась ко мне.

— Спасибо тебе. За всё. За то, что спас меня. За то, что привёл сюда.

— Ты не боишься? — спросил я. — Оставаться в доме того, кого ты едва знаешь?

— Нет, — ответила она. — Потому что Тот, Кто во мне, больше того, кто в тебе.

Я замер. Я ждал чего угодно — «ты кажешься благородным», «ты спас меня», — но не этого. Она сказала это так просто, как будто знала что-то, чего не знал я сам. Как будто видела меня насквозь — во всяком случае, тогда мне так показалось.

Позже я узнаю о её даре. О том, что она чувствует ложь и видит суть. Но сейчас она ещё не понимала, что говорит. Её душа уже знала, а разум ещё нет. И от этого её слова ударили меня сильнее, чем любое заклинание.

— Отдыхай, — сказал я и вышел, закрыв за собой дверь.

Я спустился в библиотеку и сел в кресло. Огонь в камине горел, но я смотрел не на него — я смотрел сквозь стены. Туда, где она сейчас была, в комнате, которую я никогда никому не открывал. И впервые за триста лет мой дом перестал быть пустым.

* * *

А потом я вспомнил. Не сразу — отголоском, тенью, что мелькнула и исчезла. Она спросила моё имя там, в лесу. И когда я ответил: «Максимилиан», — что-то дрогнуло в её глазах. Не страх. Не любопытство. Узнавание. Как будто она уже слышала его раньше. Как будто ждала.

Я не знал, что это значит. Но я почувствовал. И это чувство было глубже, чем любое желание. Это была надежда.

Глава IV. Разговор о том, кто он

Главное, самому себе не лгите.
Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»

Я прожила в его доме несколько дней. Замок был огромным, старым, с высокими потолками и тёмными деревянными панелями. В каминах всегда горел огонь, но теплее от этого не становилось. Везде был идеальный порядок — ни пылинки, ни забытой чашки, — и эта безупречность давила на меня сильнее, чем любой хаос. Казалось, сам дом замер в ожидании, как и его хозяин.

Он был странным. Нет, не злым и не опасным — другим. Иногда я ловила его взгляд, устремлённый в пустоту, и мне казалось, что он смотрит сквозь само время. Он мог замереть у окна на час, не шелохнувшись, и в такие моменты я чувствовала, какая пропасть лет лежит между нами. Иногда в сумерках в его глазах вспыхивал багрянец, и моё сердце замирало. Не от страха — от ощущения, что я прикоснулась к чему-то запредельному, к тайне, которую обычный человек не должен знать.

Я думала об этом постоянно. Лежала без сна в своей комнате — той самой, куда он меня поселил, с окном, выходившим в сад, давно оставленный самому себе, — и прокручивала в голове каждую деталь. Его голос. Его движения. То, как он замирал, когда я случайно касалась его руки. Кто он? Что скрывает? Эти вопросы жгли меня изнутри, не давая покоя.

Однажды ночью я больше не могла терпеть. Мы сидели у камина, и я смотрела, как огонь отражается в его зелёных глазах. Тишина между нами стала густой, как смола. Я набрала в грудь побольше воздуха и спросила прямо:

— Кто ты?

Он поднял глаза. Долго смотрел на меня — так, будто решал, достойна ли я правды. Или, может быть, боялся, что я не выдержу её веса.

— Ты действительно хочешь знать? — спросил он глухо, будто сам не хотел того, что собирался сказать.

— Да.

Он встал, подошёл к окну. Спина была напряжена, как перед боем. И когда он заговорил, каждое слово падало в тишину, как камень в воду.

— Когда-то я был человеком. Не демоном, не изгоем — человеком. Я служил Свету, я верил в него. Я сражался за Совет Сил Света и думал, что это честь. У меня был друг. Его звали Торин. Мы вместе держали Восточные Врата. Триста лет прошло, а я до сих пор помню запах мокрой земли и крови. Тьма накатывала волнами, нас было слишком мало. Я знал, что помощь придёт. Я верил.

Он замолчал на мгновение, глядя в чёрное стекло окна.

— Совет молчал. А потом пришёл он. Торин. С отрядом. Я выдохнул — думал, мы выстоим. И тогда он ударил. Не врага — меня. Со спины. Клинок вошёл между рёбрами слева, почти у самого сердца, и я упал на колени в ту самую грязь, смешанную с кровью моих воинов. Я спросил: «За что?» Он не ответил. Он смотрел на посланников Совета, которые стояли и наблюдали. Они знали. Они всё знали.

Я слушала, не перебивая, боясь дышать. Он продолжил, не оборачиваясь:

— Потом я узнал, что ему обещали власть. Не просто сохранить жизнь — место в Совете. И он купился. Он предал меня ради этой власти. А я… я выжил. Арсений вытащил меня из

той грязи и не дал умереть. Через несколько недель я снова мог ходить. Рана затягивалась. Но тот Максимилиан, который верил в Свет, умер там, у Восточных Врат. Остался только пепел.

— А потом? — прошептала я.

— А потом я решил, что справедливость должна восторжествовать. Я пошёл к его дому. Не сразу — через месяц. Я выбрал время, когда Торина не было дома. Дверь открыла его жена. Она не знала. Она улыбалась мне, потому что я был другом её мужа. Впустила меня без страха. И я… я соблазнил её. Не потому, что хотел её, а потому, что хотел причинить ему ту же боль, которую он причинил мне.

Он сжал кулаки, и костяшки пальцев побелели.

— После той ночи я стёр ей память обо мне. Я говорил себе, что делаю это ради неё. Что избавляю её от знания и вины. На этом я мог остановиться.

Он замолчал.

Я уже понимала, что он не остановился.

— Но ты сделал что-то ещё, — тихо сказала я.

— Да.

Он повернул голову, но на меня не посмотрел.

— Я стёр Торина. Её воспоминания о нём. Об их любви. О том, как они были счастливы. Оставил ей только знание, что он её муж, но почти всё, что связывало их как мужчину и женщину, исчезло. А перед уходом я оставил на её постели свою перчатку. Старую, кожаную. Торин знал её слишком хорошо, чтобы ошибиться. Мы годами сражались рядом. Он узнал бы и её, и мой запах. Я хотел, чтобы, вернувшись домой, он сразу понял, кто здесь был. И зачем.

Мне стало холодно.

— Она ведь не была виновата.

— Нет.

Всего одно слово. Без оправданий.

— Я думал, что ставлю его на место. Что заставляю его почувствовать ту же боль от предательства, которую чувствовал я. Но когда увидел, что сделал с ней, понял: я стал таким же, как он. Чудовищем.

Он обернулся ко мне. В полумраке комнаты его глаза казались бездонными.

— Тогда и пришла Тьма. Не в тот день, когда Торин ударил меня. Позже. Когда рана уже затянулась, а я сделал то, что сделал с его женой.

Он ненадолго замолчал.

— Она пришла не как пламя, не как чудовище — как тишина. Как пустота, которая откликнулась на мою собственную пустоту. Тело выжило. А внутри от того человека, которым я был, почти ничего не осталось. И тогда я услышал голос. Не в ушах — в голове. Он не был злым, не был страшным. Он был понимающим.

Максимилиан прикрыл глаза.

— «Ты можешь получить силу. Ты можешь получить вечность. Ты можешь больше никогда не быть слабым. Но человеком ты уже не останешься. Согласен?»

— И ты согласился, — сказала я тихо.

— Да. Потому что мне было всё равно, кем я стану. Я хотел только одного — чтобы больше никто никогда не смог поставить меня на колени.

Он замолчал. Я видела, как по его лицу прошла тень нестерпимой боли. Тело выжило. Человек, которым он был, — нет. А потом наступила тишина, из которой он поднялся уже другим.

Демоном.

— Но ты не стал служить Тьме, — догадалась я.

— Нет. Я отказался служить ей. В ту же ночь. Сила уже была во мне, но это не делало меня её слугой. Я заключил сделку, чтобы больше никогда не быть слабым, а не чтобы носить чужой ошейник. Ни Свету, ни Тьме я больше не принадлежал.

Он посмотрел в огонь. — Я ушёл. Сам по себе.

Я не выдержала. Встала, подошла к нему и взяла его руку, прижав к своей щеке. Его кожа была обжигающе горячей.

— Теперь ты не один, — сказала я.

Он закрыл глаза. На мгновение мне показалось, что он поверил. Но потом осторожно отвёл мою руку и отступил на шаг. В его глазах снова вспыхнул багрянец.

Ему нужно было сказать всё до конца.

— Ты не понимаешь, Юлия. — Его голос стал жёстким, отрезвляющим. — Я не человек. Я демон. Я прожил триста лет. Я видел, как рушились империи, и сам их разрушал. Я делал вещи, от которых тебе стало бы дурно, если бы я рассказал всё. Я убивал. Я разрушал. Я спал с женщинами и забывал их лица. Я пришёл к тебе из бездны. И если ты захочешь уйти, я пойму. Я открою дверь и не стану держать.

Он не смотрел на меня, пока говорил. Смотрел в огонь. Будто каждое слово выжигалось на его коже изнутри. Я видела, как напряглись мышцы на шее, как дрогнули пальцы.

Он ждал, что я отшатнусь. Что назову чудовищем. Что уйду.

А я вдруг поняла: страх — это не то, что он несёт. Это то, что он носит в себе триста лет. И я не хочу, чтобы он носил его один.

В комнате повисла тишина. Такая глубокая, что я слышала, как потрескивают дрова в камине и как бьётся моё собственное сердце.

Демон. Триста лет. Убивал. Разрушал.

Торин.

Его жена.

Невиновная женщина, заплатившая за чужое предательство собственной памятью.

Я должна была испугаться. Должна была в ужасе отшатнуться, схватить вещи и бежать из этого дома, пока он не передумал. Любая нормальная женщина так бы и сделала.

Но вместо этого я вдруг почувствовала, как внутри разливается странное, глубокое спокойствие. Тёплая волна прошла от груди к кончикам пальцев. Я смотрела на него — на его напряжённые плечи, на сжатые кулаки, на глаза, в которых тлел багрянец, — и вдруг поняла: то, что должно было испугать меня до смерти, вместо этого наполнило тихой радостью.

Я молилась Богу. Месяцами, годами. Я просила у Него любви. Я просила мужчину — сильного, тёмного, того, кто видел всё. Того, кому я смогу сказать «господин» и знать, что он не предаст. Я не знала о нём ничего. Только имя. Но я просила именно такого.

И вот он стоит передо мной. Демон. Не святой, не праведник. Тот, кто прошёл через ад и выжил. Тот, кто верит, что недостоин прощения. Тот, кто ждёт, что я сейчас развернусь и уйду, и уже приготовился к этому, уже смирился.

Господь услышал меня. Он дал мне не просто мужчину. Он дал мне душу, которую нужно любить.

Я сделала шаг к нему — медленно, чтобы не спугнуть, как подходят к раненому зверю. Он смотрел на меня настороженно, и в его глазах я увидела то, что он так старательно прятал за холодом и цинизмом: страх. Он, проживший триста лет и не боявшийся никого, боялся сейчас.

Боялся, что я уйду.

Я положила ладонь ему на грудь — туда, где под тканью рубашки сильно и часто билось сердце.

— Ты думаешь, я уйду? — спросила я тихо.

— Ты должна, — сказал он, и голос его дрогнул.

— Нет. — Я покачала головой. — Я не уйду.

Он вздрогнул. Я видела, как его кадык дёрнулся, как расширились зрачки.

— Ты не понимаешь. Я демон. Я чудовище.

— Ты тот, кого я просила у Бога, — сказала я. — Я не знала о тебе ничего. Только имя. Но я просила такого, как ты. Господь дал мне тебя. И я не брошу Его дар.

Он смотрел на меня так, будто я говорила на незнакомом языке.

А потом в его глазах блеснула влага. Одна слеза скатилась по щеке.

— Ты безумная, — прошептал он, но в его голосе больше не было стали. Только надежда.

— Нет. — Я покачала головой. — Я просто знаю, Кто за меня. И чудовище не спрашивало бы, хочу ли я уйти.

Он закрыл глаза и шумно выдохнул. А я просто стояла рядом, держа ладонь на его сердце. И в этом огромном, холодном замке вдруг стало чуточку теплее.

* * *

Максимилиан

Прошло несколько дней с тех пор, как я рассказал ей правду.

Она не сбежала в ужасе, не прокляла меня, а просто… осталась. Ходила по моему дому, пила чай, читала книги в библиотеке. И с каждым днём моё восхищение ею росло, смешиваясь с желанием, которое я пока не смел высказать.

В тот вечер мы снова сидели у камина. Я смотрел на неё, на то, как огонь рисует золотые блики на её волосах, и что-то внутри меня дрогнуло.

Она поймала мой взгляд. — Почему ты так смотришь на меня? — спросила она тихо.

— Потому что ты единственная, кто видит меня, — ответил я, и мой голос прозвучал глухо. — И единственная, кого вижу я.

Она поднялась. Медленно подошла ко мне и остановилась совсем близко.

— Ты до сих пор думаешь, что я вижу в тебе чудовище, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты знал правду. Я прошу тебя: посмотри. Войди в мои воспоминания. Увидь то, что мне снилось до того, как мы встретились.

Я замер.

Она не просто позволяла мне прикоснуться к самому сокровенному, что хранила её душа. Она просила меня об этом.

— Ты уверена? — прошептал я. — Я увижу всё. Ты не сможешь ничего утаить.

— Мне нечего скрывать от тебя, — ответила она. — Смотри.

Я поднял руку. Мои пальцы дрогнули у её виска, а потом я закрыл глаза и вошёл в её разум.

Я увидел темноту.

Увидел её — ту, что молилась в ночи, ожидая любви. Почувствовал её тоску, её надежду, её веру.

А потом увидел силуэт.

Свой собственный силуэт.

Он вышел из мрака. Я, ещё не зная её лица, коснулся губами её руки.

И услышал своё имя, произнесённое шёпотом:

«Максим».

Я прожил триста лет. Я убивал. Я пресытился всем, что может предложить этот мир. Но в этот момент, стоя в её воспоминании, я просто не мог дышать.

Она ждала меня.

Не абстрактного принца.

Меня.

Демона.

Изгоя.

Видение схлынуло. Я открыл глаза.

— Ты увидел? — спросила она.

Я не мог говорить. Просто смотрел на неё, и в моей груди что-то рушилось. Что-то, что я строил столетиями.

Стена, за которой я прятал свою душу.

И когда от неё ничего не осталось, моя ладонь коснулась её щеки.

Она не отшатнулась. Только чуть прикрыла глаза.

— Ты знаешь, кто я, — прошептал я. — И ты не убежала. Почему?

— Потому что я знаю, что тьма — это ещё не весь ты, — ответила она, и в её голосе не было ни капли страха, только тихая, спокойная вера.

И тогда я наклонился и поцеловал её.

Это не был поцелуй опытного соблазнителя или властного демона. Это был поцелуй мужчины, который триста лет не позволял себе такой нежности.

Мои губы коснулись её губ осторожно, словно я пробовал на вкус само чудо. Я не углублял поцелуй, не пытался завладеть ею. Я просто пил её дыхание, впервые позволяя себе поверить в невозможное.

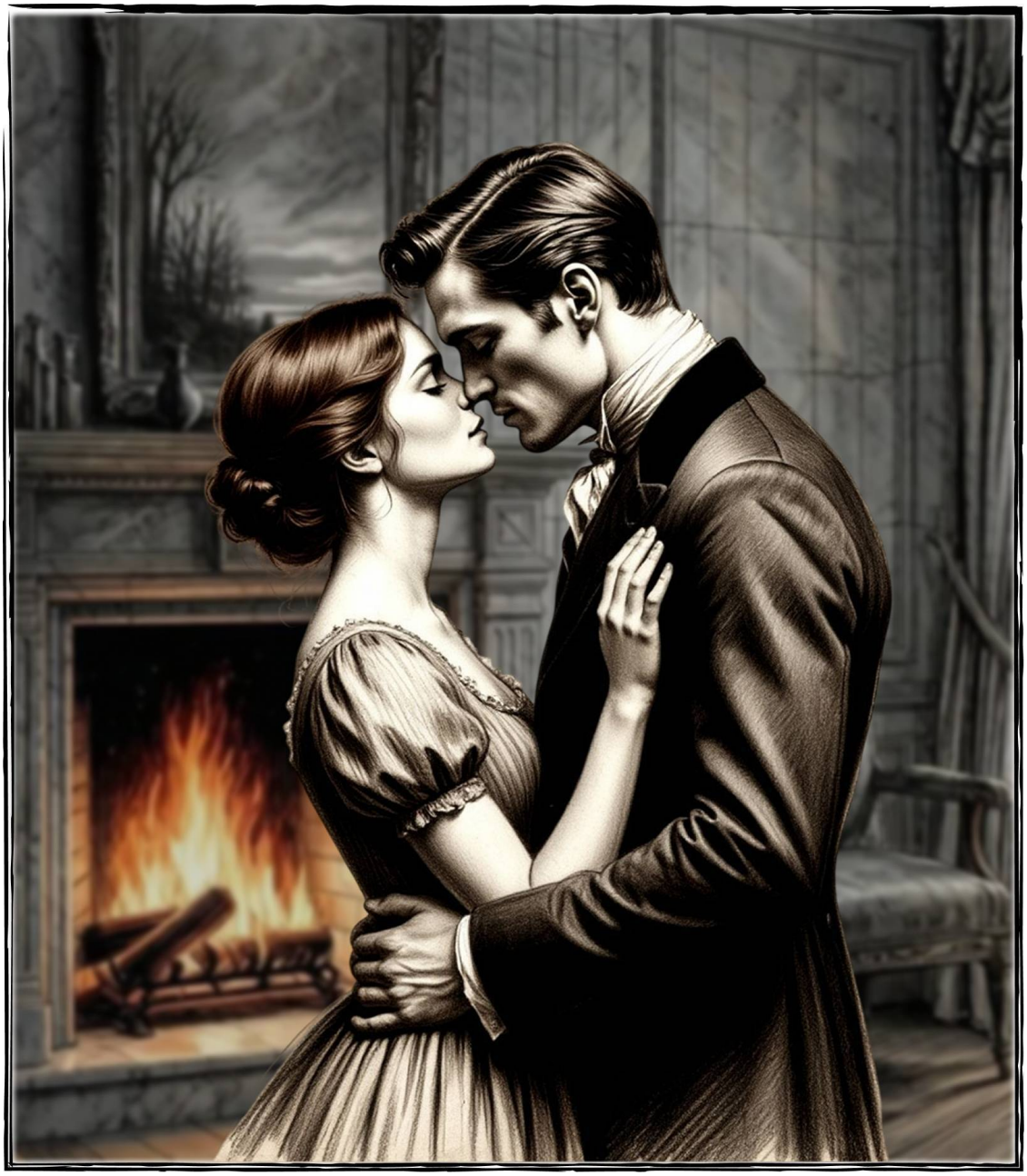
Она ответила. Не страстно, не требовательно, а так же трепетно — как отвечает женщина, которая доверяет.

Когда я отстранился, я не сразу смог заговорить.

— Спасибо тебе, — прошептал я. — За то, что ты есть.

Она улыбнулась. И в этой улыбке я увидел то, чего не видел никогда.

Надежду.



Глава V. Обещание и первая ночь

Вы пронзаете мою душу. наполовину мучение, наполовину надежда.
Джейн Остин. «Доводы рассудка»

Прошло несколько дней после того поцелуя у камина. Я больше не прятался. Не мог. Она осталась — не из страха, не из расчёта, а по своей воле, и это знание жгло меня сильнее любого адского пламени. Я хотел её. Хотел так, как не хотел никого за триста лет. Но я молчал. Я не смел ей сказать.

Но я представлял. О да, я представлял это постоянно.

Вот она входит в библиотеку, где я разбираю бумаги. Я даже не сразу понимаю, что она задумала. Она приближается — не со спины, нет, она слишком честна для этого, — она встаёт напротив, и в её зелёно-карих глазах я читаю вопрос, который она ещё не решается задать. Я откладываю бумаги и просто смотрю, как она расстёгивает воротник. Медленно. Пуговицу за пуговицей. А когда она доходит до последней, я останавливаю её руку своей и говорю: «Не спеши. Я ждал тебя триста лет. Я подожду ещё столько, сколько тебе нужно».

Или другая картина. Мы в гостиной, горит камин, она сидит в кресле с книгой. Я опускаюсь перед ней на колени — не потому, что она приказала, а потому, что я так хочу. Я кладу ладони на её подол и смотрю снизу вверх, как верующий на икону. Я ничего не прошу. Просто быть рядом. Просто чувствовать тепло её тела через ткань.

А иногда мне снилось иное. Я видел, как привязываю её руки к спинке кровати — не чтобы причинить боль, а чтобы она знала: сейчас она полностью моя. И я не сделаю ничего, чего бы она не хотела. Я буду ждать её слова. Её приказа. Её мольбы.

Я просыпался в холодном поту и шёл в библиотеку. Это становилось невыносимо.

В тот вечер я уже не пытался отводить взгляд. Она читала у камина, подобрав ноги, а я смотрел на неё. Просто смотрел. На то, как она хмурится над очередной страницей. На то, как её пальцы переворачивают страницы — те самые пальцы, которые я так хотел целовать.

Она поймала мой взгляд и отложила книгу. — Ты опять на меня смотришь, — сказала она тихо.

— Я не могу не смотреть.

Она опустила глаза. Её пальцы сжались в замок. Я видел, как она напряглась.

— Что с тобой, Юлия?

Она долго молчала, а потом сказала — и её голос дрожал:

— Я не такая. Я не такая, как те, что были у тебя. Меня нельзя хотеть. Я… я не подхожу тебе. Ты — демон, ты видел сотни красавиц. А я… я некрасивая. Меня нельзя желать.

Я почувствовал, как внутри что-то рвётся. Не гнев. Боль.

— Юлия, — сказал я, и мой голос был глух, — посмотри на меня.

Она подняла глаза. В них блестели слёзы.

— Я демон. Я прожил триста лет. Я видел всё, что может предложить этот мир. И я говорю тебе: ты — самая желанная женщина из всех, кого я встречал.

— Ты правда этого хочешь? — прошептала она. — Меня?

— Я хочу тебя так, что едва могу дышать рядом с тобой. Но я ничего не сделаю, пока ты сама не захочешь. Я не трону тебя без твоего слова.

Она помолчала, глядя в огонь. А потом сказала — и это было как удар колокола:

— Дай мне время.

— Сколько угодно, — ответил я. — Я никуда не уйду.

— Придёт время, и я сама к тебе приду, — добавила она. — Я обещаю.

Она встала, подошла ко мне и коснулась губами моего лба. Я закрыл глаза. А когда открыл — она уже ушла.

Я остался у камина.

Один.

* * *

В тот вечер я сидел и молчал. Арсений, как всегда, устроился напротив. Мой бокал был пуст. Я уже выпил, но вкуса не почувствовал.

— Она попросила время, — сказал я наконец.

Арсений отставил бокал и внимательно посмотрел на меня. — Ты понимаешь, что произошло? Ты, который никогда никого не ждал, заключил сделку без контракта. Добровольно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.